

¹⁰ Там же. Оп. 11–1917. Д. 82. Л. 1–2.

¹¹ К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского. С. 32–34; Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конквистадоры. М., 1994. С. 186.

¹² К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского. С. 33–35.

¹³ Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Указ. соч. С. 186.

¹⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 86. Л. 3–7.

¹⁵ Там же. Л. 15–18.

¹⁶ Там же. Л. 48, 57–61.

¹⁷ Там же. Оп. 14. Д. 157. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 158. Л. 68.

¹⁹ Там же. Оп. 11–1917. Д. 65. Л. 124.

²⁰ Там же. Оп. 11–1918. Д. 94. Л. 113; Оп. 14. Д. 158. Л. 6, 16. Д. 737. Л. 47.

²¹ Там же. Д. 156. Л. 16, 20, 21, 24, 30. Д. 158. Л. 6, 30, 75, 82.

²² Там же. Д. 156. Л. 24, 41, 62, 65. Д. 157. Л. 14.

²³ Там же. Д. 753. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Оп. 11–1917. Д. 82. Л. 40–42.

²⁵ Там же. Л. 41–49.

²⁶ Там же. Оп. 14. Д. 158. Л. 87–91.

Попытка захвата большевиками Александро-Невской лавры в январе 1918 года

А. Н. Кашеваров

30 ноября 1918 года, по предложению наркома государственного призрения А. М. Коллонтай, советское правительство под председательством В. И. Ленина рассмотрело вопрос об изъятии у Православной Церкви монастырей. Однако какое-либо конкретное решение тогда принято не было. На этом же заседании Совнаркома А. М. Коллонтай добилась все-таки принятия решения о реквизиции помещений Александро-Невской лавры для нужд своего наркомата¹. Этим решением был создан прецедент для страны. По оценке петроградского духовенства, «распоряжение принимало характер благовидности: мол де заботимся о благе народном, а монахи ничего для этого не делают...»²

13 января митрополита Вениамина (Казанского) посетил сотрудник комиссариата призрения Иловайский и передал, что «с сегодняшнего дня лавра переходит в ведение народа». Он также осмотрел помещения митрополита и признал их наиболее удобными для размещения богадельни. Прибывшие вместе с Иловайским красногвардейцы, осматривая лаврские храмы, в собор входили в шапках, с ружьями. На замечания богомольцев, что здесь находятся святыни, отвечали: «Для вас святыни, для нас не святыни»³.

Известие об этих событиях в лавре глубоко взволновало духовенство и верующих столицы. Вечером 14 января состоялось многолюдное пастырско-мирянское собрание в зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» для обсуждения вопроса «о гонениях на Церковь». Заслушав доклад о событиях 13 января в лавре, собрание приняло «протест Совету народных комиссаров от православного русского народа», в котором реквизиция синодальной типографии в начале января и последовавшая за этим попытка захвата Александро-Невской лавры рассматривались как «начало открытых гонений на Православную Церковь и православную веру». «Православный верующий народ заявляет власть имущим, чтобы они остановили отобраение церковного достояния и возвратили бы отобраенное, вняли бы голосу многих миллионов русских людей, которые такого отношения к святыням перенести не могут»⁴.

Собрание также приняло резолюцию, в которой для «противления» начавшимся гонениям предусматривались следующие практические меры: «1) разъяснить всем православным не только в храмах, но и на

рынках, площадях и везде, где можно, что Церковь Православная терпит открытое гонение; 2) проводить эту мысль между матросами и солдатами, среди которых есть еще любящие и чтущие Церковь; 3) составить и напечатать несколько тысяч протестов против отобраения церковного имущества и раздать их по приходам для подписи, сколько возможно большим количеством лиц, расклеить их снаружи храмов и на других местах...»⁵

Участники собрания предлагали различные меры по охране церковного достояния. Так, одна женщина заявила, что «она ходила по казармам и уговаривала верующих солдат выступить в защиту церкви». «И эта мера, – сообщил редактор “Церковных ведомостей” П. Н. Лахостский собору, – была одобрена и принята собранием»⁶.

Наместник Александро-Невской лавры епископ Прокопий (Титов) направил собору донесение о событиях 13 января в его обители. Оно было заслушано на первом же после рождественских каникул соборном заседании. «То, что сообщили нам о лавре, – говорил при обсуждении этого донесения член собора князь Е.Н. Трубецкой, – не частное враждебное церкви выступление, а проведение плана уничтожения самой возможности

существования Церкви. Сейчас речь идет об упразднении одной обители, это только пробный шаг <...> Тут открытая война с Церковью, начатая не нами»⁷. Оценив события в Петрограде как «первое столкновение со слугами сатаны», протоиерей Н. В. Цветков предложил собору «послать туда посольство с выражением глубокого соболезнования...»⁸

В середине января 1918 года ситуация вокруг Православной Церкви продолжала обостряться, чему способствовали несколько обстоятельств. Не дожидаясь принятия разрабатываемого проекта об отделении Церкви от государства, власти решили принять ряд сопутствующих ему постановлений. Так, 14 января за подписью комиссара имуществ республики Ю. Флаксермана было принято постановление об упразднении придворного духовенства, реквизиции имущества и помещений придворных церквей. В ведение наркомата имуществ были переданы не только храмовые сооружения и их имущества при бывшем царском дворе в Петрограде и его окрестностях, но и большая часть церквей Кремля в Москве⁹. Это вызвало недовольство Поместного собора, считавшего Церковь законной собственницей отмеченного достояния.

Вслед за постановлением от 14 января СНК принял решение о предоставлении наркоматам права закрытия церкви и при государственных учреждениях. Упразднение подобных храмов задевало религиозные чувства многих верующих, так как их посещали не только служащие государственных учреждений, но и жители окрестных домов. Согласно последнему опубликованному «Обзору деятельности Ведомства Православного исповедания за 1915 год», на территории только Петроградской епархии имелось «194 домовых и при казенных заведениях церквей»¹⁰. Тяжбы вокруг закрытия церквей при государственных учреждениях, а также домовых церквей длились не один год¹¹. 16 января был принят декрет о ликвидации духовников в вооруженных силах страны¹².

Большую обеспокоенность среди духовенства и верующих вызвали лекции «о новых декретах о церкви», с которыми в столице с 13 по 27 января выступал один из авторов декретов от 17 и 18 декабря 1917 года о граж-

данском браке и гражданской метрикации член комиссии Народного комиссариата юстиции по подготовке декрета об отделении церкви от государства И. А. Шпицберг. Церковная печать сообщала, что он – «крещеный еврей, ныне петроградский присяжный поверенный, был не так давно приглашен бывшим обер-прокурором В. Н. Львовом в состав комиссии при Синоде по пересмотру законов о разводе и даже присутствовал в заседаниях Синода»¹³. С установлением советской власти Шпицберг из ревностного христианина обратился в неистового богоборца. Свои лекции он начинал с заявления, что «после упразднения одного идола – царя – необходимо упразднить другого – Бога», и настаивал на необходимости «самых суровых и решительных мер против церкви и духовенства»¹⁴. Лектор договорился до того, что, вероятно в пылу запальчивости, сообщил аудитории следующее: «Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов <...> Будет запрещено богослужение, и будут отобраны церковные сосуды как средства для колдовства; духовенство будет объявлено подозрительным по революции. Все духовные учреждения должны быть реквизированы»¹⁵. Несмотря на абсурдность и грубокощунственный характер некоторых заявлений Шпицберга, первые антицерковные мероприятия власти убеждали верующих, что откровения Шпицберга – не пустые угрозы. Духовенство оценило его лекции как имеющие «чрезвычайное значение». Член собора М. Ф. Глаголев, выступая с информацией о них на заседании 22 января, подчеркнул: «Собору и всем православным важно знать, что предполагается сделать по отношению к Православной Церкви». М. Ф. Глаголев предложил собору, основываясь на заявлении И. А. Шпицберга, сообщить во все приходы, что «готовится нашей Святой Церкви»¹⁶.

Петроградские верующие были встревожены также угрозами Шпицберга в адрес митрополита Вениамина. Так, Шпицберг заявил, что за неприятие новых декретов о церкви владыка «будет выселен из лавры и с 1 февраля лишен жалования»¹⁷. На многочисленном собрании духовенства и представителей приходов,

состоявшемся 17 января в большом зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения» на Стремянной улице, попытки священника П. Раевского передать несколько кощунственных отзывов Шпицберга о Церкви вызвало «целую бурю негодующих возгласов». По поводу угрозы выселения митрополита из лавры собрание заняло твердую позицию – не допустить, чтобы «наш избраннык скитался как нищий!».

Собрание приняло резолюцию протеста «против похода на Александро-Невскую лавру» и решило отправить в Москву к патриарху особую делегацию, чтобы «...осведомить его о том положении, которое создается в Петрограде». По предложению настоятеля Казанского собора протоиерея Ф. Н. Орнатского было принято решение – 21 января, «в наступающее воскресенье из всех храмов столицы устроить крестные ходы к Александро-Невской лавре»¹⁸.

Однако ход подготовки к этому «всенародному молебствию» был нарушен новой антицерковной акцией властей. Согласно сообщению церковной прессы, «19 января около часу дня в Александро-Невскую лавру, по распоряжению комиссара призрения Коллонтай, прибыл отряд матросов и красногвардейцев во главе с комиссаром Иловайским. Последний прошел к митрополиту Вениамину, которому предъявил требование очистить митрополичьи покои <...> Затем комиссар в сопровождении красногвардейцев отправился в собрание Духовного собора лавры, где <...> потребовал от наместника лавры епископа Прокопия (Титова. – А. К.) сдать ему все лаврское имущество: вещи, капиталы, помещения. Преосвященный Прокопий категорически отказался исполнить это требование. Тогда его объявили арестованным и отвели в келью...»¹⁹

В это время с лаврской колокольни раздался набат. Оказалось, что находившиеся в лаврском дворе богомольцы, узнав о появлении красногвардейцев, по собственной инициативе бросились на колокольню и забили тревогу²⁰. К лавре стали стекаться толпы народа, особенно много было женщин. Слышались крики: «Православные, спасайте церкви». К толпе вышел Иловайский, возле которого находилось несколько матросов, вооруженных

винтовками. Сам комиссар все время угрожал собравшимся револьвером, который держал наготове. Толпа обезоружила матросов и комиссара. Красногвардейцы же побросали оружие и разбежались.

Вскоре к группе Иловайского прибыла помощь – отряд вооруженных матросов и красногвардейцев с двумя пулеметами. Прибывшие поставили пулеметы на лаврском дворе и стали энергично выгонять оттуда богомольцев. «Было произведено несколько выстрелов <...> Находившийся в это время на лаврском дворе протоиерей Скорбященской церкви, что за Невской заставой, о. Петр Скипетров обратился к красногвардейцам с увещанием не расстреливать ни в чем не повинный народ, не производить насилий над народными святынями <...> Один из красногвардейцев выстрелил в о. протоиерея. Пуля попала в рот, раздробила челюсть и засела в шее. На другой день Скипетров скончался от полученных ран в городском лазарете, куда был переведен вскоре после ранения»²¹. Сразу же после убийства священника красногвардейцы сняли караул и увезли пулеметы²².

Трагические события в лавре явились первым открытым насильственным противостоянием верующих антицерковной политике советской власти. По свидетельству наместника лавры епископа Прокопия, «настроение народных масс было таково, что больших усилий стоило удержать их от сопротивления вооруженным насильникам»²³. Так, монахи спасли комиссара Иловайского от угрозы самосуда толпы и успокоили ее.

После случившегося 19 января многие молящиеся стали проводить круглые сутки в лавре, «готовые всегда встать на защиту поругаемых святынь». 20 января митрополита Вениамина посетила делегация от рабочих Стеклянного, Фарфорового заводов и Экспедиции заготовления государственных бумаг, которые просили разрешить им «участвовать в охране святынь лавры»²⁴.

В обзоре печати, составленном редакцией «Церковных ведомостей», отмечалось, что «на лаврские события ежедневная пресса отзывалась с редким единодушием. Газеты всех направлений, исключая, конечно, большевистские, сурово осужда-

ют насильников, посягнувших наконец и на святая святых народной души»²⁵. «События, разыгравшиеся в Александро-Невской лавре, – писала газета кадетского направления “Наш Век”, – служат достаточным доказательством того, как не следует делать церковную политику <...> В данном случае борьба начата не Церковью, а потому, естественно, что как всякий живой организм, она будет реагировать. У Церкви есть уже свои мученики. О. Скипетров скончался от нанесенных ран. Несомненно, число это будет расти»²⁶.

СНК опубликовал по поводу событий в Александро-Невской лавре два официальных сообщения, коренным образом извращавших происшедшее. В первом из них утверждалось, что большинство лаврских монахов готово на всякую совместную работу с Народным комиссариатом призрения, а упорствует, дескать, лишь один наместник епископ Прокопий, который «не сдает ни помещений, ни инвентаря». В этом же сообщении подробно говорилось о разоружении комиссара Иловайского как о «зверстве толпы, подстрекаемой монахами», но ни одним словом не упоминалось о том, что в монастыре были расставлены пулеметы и убит протоиерей П. Скипетров²⁷.

Во втором сообщении Совнаркома, специально посвященном убийству П. Скипетрова, лживо – со слов какого-то архимандрита, не названного в этом официальном документе, – утверждалось, что красногвардеец, окруженный толпой возбужденно настроенного народа, убил священника после того, как последний ударил его посохом²⁸.

21 января в газете «Социал-демократ» Ем. Ярославский поместил заметку «Черные вороны», в которой также искажал события в Александро-Невской лавре. «Когда Совет народных комиссаров постановил обратиться к имени Александро-Невской лавры на пользу народа, поместить там инвалидов, поместить бедняков, – писал Ем. Ярославский, – черные вороны всполошились. Они чувствуют, что приходит конец их тунеядству и безделью, их сладкой жизни. В защиту митрополита Вениамина они призывают устроить крестный ход. Как же не заставить митрополита, которому предлагают поместиться

в двух комнатах вместо 12! Смирные монахи в Александро-Невской лавре, однако же, оказались вооружены револьверами, когда пришли конфисковать монастырскую казну в общенародное достояние»²⁹.

Раздражение в массах, вызванное попытками красногвардейцев захватить лавру, было столь сильным, что власти были вынуждены временно приостановить свое наступление на столичную Церковь. Управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Буревич обратился к епископу Прокопию с просьбой успокоить богомольцев и заявил, что лаврская братия неправильно поняла декрет от 4 января – «в данном случае Совет народных комиссаров имел в виду распределение инвалидов по зданиям лавры». «Действия комиссара Иловайского, – ответил владыка Прокопий, – способны не успокоить богомольцев, а, наоборот, вызвать дальнейшие эксцессы. Что касается размещения инвалидов в зданиях лавры, на это мы с самого начала возникновения инцидента готовы были пойти и предоставить свободные помещения в распоряжение комиссара призрения Коллонтай»³⁰.

Власти пошли на временные уступки. Воскресным утром 21 января по улицам были разбросаны листовки с извещением городской Чрезвычайной комиссии о том, что «комиссариатам гор. Петрограда предписывается всюду <...> арестовывать тех, кто обнаружит намерение мешать крестным ходам и таких лиц немедленно доставлять в Смольный»³¹. Аналогичное распоряжение за подписью В. Д. Бонч-Буревича, отпечатанное в виде листовок, «разбрасывалось из автомобиля параллельно крестному ходу»³². Примечательно, что еще накануне, 20 января некоторые газеты сообщали, что крестный ход запрещен³³.

Между тем в воскресенье, 21 января с 11 часов утра около двухсот отдельных процессий из различных церквей города и окрестностей начали свой путь к Александро-Невской лавре, сливаясь в один крестный ход. К ним присоединились тысячи верующих, и людской поток в стройном порядке, с церковными песнопениями устремился к одному пункту. По сообщению церковной печати, «чутко откликнулись на призыв участвовать в крестном ходе окраины, в массе

заселенные рабочим людом». Один из корреспондентов определил количество участников крестного хода «до полмиллиона»³⁴.

Во всяком случае, их было несколько сотен тысяч. Настроения участников крестного хода, охваченных чувством высокого религиозного энтузиазма, передавались прохожим на улицах. Многие из них становились на колени на мокрый снег и клали земные поклоны.

В начале третьего часа крестный ход во главе с митрополитом Вениамином начал двигаться от лавры по Невскому проспекту к Казанскому собору, вся площадь перед которым оказалась запруженной массами народа. Здесь после краткого молебна владыка Вениамин обратился к собравшимся со словами: «Несмотря на тяжелые, очень тяжелые обстоятельства, мы не должны падать духом. Вспомним протоиерея П. Скипетрова... Вот пример для всех, как надо защищать веру православную, храмы святые, своих архипастырей и пастырей»³⁵.

Грандиозный крестный ход явился не только «всенародным молением» за гонимую Церковь, но и демонстрацией поддержки ее со стороны широких масс в трудное время испытаний.

События в Петрограде 13–21 января имели важные последствия для государственно-церковных отношений в целом. Перед духовенством и верующими со всей остротой встала проблема «защиты православных святынь от всякого кощунственного покушения на них, откуда бы оно ни исходило». Как реакция попытки властей захватить Александро-Невскую лавру сначала в столице, а затем и в других городах и местностях возникли союзы и братства защиты Церкви, в основном из мирян. Важной целью их являлось недопущение закрытия храмов и монастырей и конфискации их имущества советской властью. Следует отметить, что задачи возникших до января 1918 года православных братств ограничивались, согласно их уставам, «взаимным единением и просвещением в духе веры и любви Христовой», а также душепопечительской деятельностью. Например, образованное 15 октября 1917 года в г. Веневе Тульской губернии Введенское братство организовало «внебюджетные вероучительные и нравоучительные собеседования»,

сопровождаясь общенародным пением, а также оборудовало братскую библиотеку – читальню»³⁶.

После крестного хода в лавру столичное духовенство обратилось к своим прихожанам с призывом организовать «специальные духовные приходские союзы для защиты петроградских святынь». Согласно описанию корреспондента «Церковных ведомостей», «прихожане, в особенности женщины, горячо отнеслись к этому призыву духовенства и целыми семьями стали записываться в ряды <...> защитников»³⁷. К февралю 1918 года в духовные союзы для защиты церковных святынь, по данным большевистской «Петроградской газеты», записалось свыше 57 тысяч прихожан³⁸. По другим оценкам, их количество составляло 60–70 тысяч человек³⁹.

В конце января в трапезной лавры под председательством епископа Прокопия состоялись два собрания «из простолюдинов и интеллигенции, объединенных одним чувством религиозной ревности и решимостью защищать святыни». На первом же собрании было решено образовать особое братство защиты Александро-Невской лавры и обсуждался его устав. Большие прения вызвало примечание к одной из статей устава о том, что «желающие из братчиков могут давать торжественное обещание перед ракой Александра Невского защищать лавру и святыни ее всеми средствами, дозволяемыми для христианина, даже до смерти». Епископ Прокопий разъяснил участникам собрания, что примечание «отнюдь не имеет в виду какого-либо вооруженного сопротивления нарядом красногвардейцев и матросов, посылаемых большевистскими властями. Примечание говорит о мерах христианского воздействия: увещании, мольбе, просьбе, пассивном сопротивлении, при полной решимости, если нужно, то пострадать за имя Христово»⁴⁰. На втором собрании было принято решение, что «все действительные члены братства обязаны дать торжественное обещание перед ракой Александра Невского защищать святыни лавры до смерти; те же лица, которые такого обещания не могут дать по тем или иным мотивам, могут быть только членами-соревнователями братства без права решающего голоса».

Устав братства предусматривал также развитие просветительской и благотворительной деятельности. Почетным председателем его был избран митрополит Вениамин⁴¹.

События 13–21 января 1918 года в Петрограде были внимательно проанализированы и учтены собором и патриархом при выработке официальной позиции Церкви в связи с религиозной политикой советской власти. Уже вечером 21 января к патриарху Тихону выехала петроградская делегация «в числе семи человек, среди которых помимо духовенства был церковный староста, рабочий и матрос»⁴². 22 января, по приезде в Москву, депутаты были приняты патриархом, который заявил, что «краткие сведения о петроградских событиях он почерпнул из газет еще до прибытия делегатов и, узнав о намерении власти взять Александро-Невскую лавру, хотел было по своему почину приехать в Петроград»⁴³.

Делегация в течение полутора-часовой беседы проинформировала первосвященника о январских гонениях на столичную Церковь и высказала основное желание ее православных прихожан – «чтобы митрополит Вениамин был восстановлен в звании настоятеля Александро-Невской лавры и ее священноархимандрита»⁴⁴. Еще во время попыток красногвардейцев захватить Александро-Невскую обитель и выселить оттуда владыку верующий народ «с недоумением узнал, что митрополит Вениамин настоятелем лавры не оставлен»⁴⁵. Это недоумение было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, традиционно, с 1742 года все правящие архиереи столичной епархии – предшественники владыки Вениамина – состояли священноархимандритами Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря⁴⁶.

Во-вторых, митрополит Вениамин пользовался особым уважением и любовью среди широких масс верующих. После увольнения на покой митрополита Питирима (Окнова) 6 марта 1917 года епископ Вениамин вступил во временное управление епархией, а 24 марта «свободным голосованием клира и мирян Петроградской епархии» был избран ее правящим архиереем в сане архиепископа. 13 августа Синод возвел архиепископа Вениамина в сан митрополита⁴⁷. Петроградское население зило его

доброту и сердечность: митрополит в простой монашеской одежде нередко спешил на окраины города крестить ребенка, напуганного умирающего. Приемная его всегда была полна народа, и евангельски простой и возвышенный 44-летний пастырь старался каждого выслушать, понять и утешить⁴⁸.

Репутация владыки как «кроткого, но твердого архипастыря» еще больше упрочилась после событий 13–21 января. Характеризуя поведение митрополита и отклик на него верующих в те дни, протоиерей Ф. Н. Орнатский говорил членам собора: «Он всегда с народом. Трогательно слышать, когда народ называет его “голубчик, наш избранник”. Народ любит его»⁴⁹.

Принимая 17 января решение отправить в Москву к патриарху особую делегацию, собрание духовенства и представителей приходов также поручило ей «просить восстановить митрополита Вениамина в правах настоятеля Александро-Невской лавры»⁵⁰. Этот вопрос, поставленный петроградской делегацией перед церковным руководством, рассматривался на заседании собора 24 января. С разъяснением, при каких обстоятельствах «митрополит Петроградский сделался жильцом и, до известной степени, гостем Александро-Невской лавры», выступил архиепископ Тверской Серафим (Чичагов). После увольнения митрополита Питирима «в лавре были замечены такие растраты денег и такие неурядки, которые заставили Св. Синод обратить внимание на ее положение <...> Создалось убеждение, что начальником лавры не может быть епархиальный архиерей, потому что он занят епархиальными делами; кроме того, митрополит Петроградский состоит и членом Св. Синода <...> Ввиду этого постановлено было поставить во главе лавры особого настоятеля и изъять ее из ведения местного митрополита»⁵¹. 24 января 1918 года Поместный собор вынес постановление «о возвращении Александро-Невской лавры Петроградскому митрополиту с присвоением ему звания священноархимандрита оной»⁵². Комментируя это решение, церковная печать особо выделяла, что «таким образом, искреннее и горячее желание петроградцев иметь своего избранника <...> митропо-

лита Вениамина полным хозяином в его резиденции осуществилось»⁵³. Следует отметить, что восстановление владыки Вениамина в звании и правах настоятеля лавры в тех обстоятельствах, когда власти делали попытки выселить его из монастыря, имело и явный политический аспект, подчеркивая неприятие высшим церковным руководством постановления советского правительства о дальнейшей судьбе Александро-Невской обители.

После окончания официального заседания собора 24 января перед его членами с сообщением о петроградских событиях, «особенно о попытке захватить лавру и о величественном крестном ходе», выступил глава делегации протоиерей Ф. Н. Орнатский⁵⁴.

Митрополит Вениамин, вступивший 27 января в должность священноархимандрита Александро-Невской лавры, принял во внимание твердую позицию епископа Прокпия в событиях 13–21 января и просил его «на прежнем основании продолжать исполнять обязанности наместника лавры»⁵⁵.

Январские события 1918 года в Петрограде в значительной степени способствовали оформлению и выражению официальной позиции высшего церковного руководства в отношении религиозной политики советской власти. 19 января, в самый разгар гонений на петроградскую Церковь, патриарх Тихон выпустил свое известное послание, названное атеистически настроенными отечественными исследователями «анафемой большевикам и советской власти»⁵⁶. Пытаясь снять такое толкование указанного документа, канадский историк Д. В. Поспеловский утверждает, что в нем «нет ни слова ни о большевиках, ни о советской власти, речь идет о “безумцах”, чинящих “ужасные и зверские избиения ни в чем не повинных <...> людей”. Собор отлучает здесь от Церкви всех, кто терроризировал население»⁵⁷.

Несмотря на то что большевики в послании действительно не названы, суровому осуждению патриарха были впервые подвергнуты главным образом конкретные шаги церковной политики советской власти. «Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову, – указывал первосвященитель, – благодатные

таинства, освящающие рождение на свет человека или благославляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел из орудий смертоносных – святые соборы Кремля Московского, или ограблению и кощунственному оскорблению <...> чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская лавра) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего (то есть советской властью. – А. К.) и объявляются каким-то народным достоянием, школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже в расадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законной волей самого народа»⁵⁸. Таким образом, текст послания ясно указывает, каких христиан или хотя бы «по рождению своему» принадлежащих к Церкви лиц за их конкретные действия, направленные против Русской православной церкви, патриарх предал анафеме, то есть отлучил от нее⁵⁹. Первосвященитель также призывал прихожан «не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение»⁶⁰.

Важно отметить, что ряд участников собора, некоторые круги верующих и та часть населения, которая была настроена враждебно по отношению к советской власти, восприняли послание 19 января как «анафему большевикам, изреченную патриархом Тихоном». Выступая на заседании собора 22 января, протоиерей Н. В. Цветков предложил именно так рассматривать «кого же анафемствует святейший патриарх». Второе его предложение заключалось в том, чтобы «самый большевизм назвать сатанизмом или антихристианством»⁶¹. Выступление Н. В. Цветкова было горячо поддержано священником В. И. Востоковым⁶². Известный писатель и поэт Д. Мережковский, отражая настроения значительной части русской интеллигенции, следующим образом оценивал патриаршее послание: «О, конечно, Ленин и Троцкий анафемы не испугаются, но еще вопрос, как отнесутся миллионы

малых сих – к утверждению всецерковному, всенародному, что большевики анафемы, люди вечным проклятием проклятые, слуги дьявола»⁶³.

Патриаршее послание 19 января официально провозглашало начало противостояния Церкви политике советской власти в религиозной области. Однако это противостояние было защитной реакцией на наступление государства и насилия над Церковью. Верующих послание призывало встать на защиту Церкви, но не при

помощи оружия, а покаянием, уповать на «силу своего святого воодушевления».

В Петрограде послание патриарха было размножено и роздано по церквам уже вечером 20 января⁶⁴. На следующий день во время многотысячного крестного хода «лаврский протодьякон громовым голосом прочел воззвание с анафематствованием, после чего митрополит совершил молебен об умиротворении и спасении богохранимой державы Российской»⁶⁵.

¹ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 30.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI, вып. 1. М., 1918. С. 58. (Далее – Деяния...)

³ Там же.

⁴ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 1. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 31.

⁷ Там же. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ См.: Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верхсуда РСФСР и других Советских Социалистических Республик. М., 1926. С. 615–617.

¹⁰ Обзор деятельности Ведомства Православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С. 24.

¹¹ См., напр.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 805. Оп. 1. Д. 2925. Л. 1; Д. 2934. Л. 1.

¹² См.: Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов... С. 616.

¹³ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С. 206.

¹⁴ Там же. С. 205.

¹⁵ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 34.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С. 205.

¹⁸ Там же. 1918. № 2. С. 97.

¹⁹ С. 82.

²⁰ Возможность применения набатного звона в подобной ситуации обсуждалась на собрании духовенства и представителей приходов 17 января. На вопрос митрополита Вениамина, что делать, если прикажут уходить из лавры, «одна женщина посоветовала: «Нужно ударить в набат в лаврской и других церквах, и мы побегим защищать митрополита»» (Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 58).

²¹ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 83. – П. Скипетров, канонизированный Русской православной церковью в декабре 2001 г. как «новомученик Российский», открыл синодик петроградских мучеников. Жизнеописание священномученика П. Скипетрова см. подробно: Небесные покровители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 183–193; Священномученик Пётр Скипетров // Нестор (Кумыш), иеромонах. Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб., 2003. С. 23–33.

²² См.: Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 59.

²³ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 83.

²⁴ Там же. С. 83–84.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Наш Век. 1918. 21 января.

²⁷ См.: Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 84.

²⁸ См.: Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 58; Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 85 – В исследованиях некоторых церковных историков обстоятельства гибели П. Скипетрова излагаются недостоверно (см., напр.: Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российскойские. Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 184; Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 240).

²⁹ Социал-демократ. 1918. 21 января.

³⁰ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 84.

³¹ Там же. С. 85.

³² Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 59.

³³ См.: Там же.

³⁴ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 85.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ См.: Там же. С. 105.

³⁷ Там же. 1918. № 5. С. 202–203.

³⁸ См.: Там же. С. 202.

³⁹ См.: Поспеловский Д. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 69.

⁴⁰ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С. 199.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² Там же. С. 200.

⁴³ Там же. С. 201.

⁴⁴ Там же. С. 200.

⁴⁵ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 54.

⁴⁶ См.: Бовкало А. А., Галкин А. К. Правящие архиереи Санкт-Петербургской-Петроградской епархии. Хронологический список // Христианское чтение. 1991. № 2. С. 58.

⁴⁷ А. Б., А. Г. Митрополит Вениамин (Казанский). Краткая биография // Христианское чтение. 1991. № 6. С. 7.

⁴⁸ См.: «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991. С. 7.

⁴⁹ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 60.

⁵⁰ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 97.

⁵¹ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 54.

⁵² Там же. С. 55–56.

⁵³ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 3–4. С. 161. – На Архиерейском соборе Русской православной церкви в апреле 1992 г. владыка Вениамин прославлен в лике святых (Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. С. 249).

⁵⁴ См.: Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 56–60; Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 3–4. С. 161. – Отчет о поездке делегации в Москву Ф.Н. Орнатский сделал 26 января на собрании представителей православных приходов Петрограда в зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения» (Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С. 200–201).

⁵⁵ РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 159. Л. 26. Владыка Прокопий причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви в августе 2000 г.

⁵⁶ См., напр.: Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 24–25.

⁵⁷ Поспеловский Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 51. – Исследователь допускает в этой статье неточность, называя послание 19 января соборным, хотя ему, как крупнейшему специалисту по истории РПЦ новейшего периода, известно, что указанное воззвание с анафематствованием патриарх выпустил между сессиями собора, чтобы взять ответственность на себя, не перекладывая ее на духовенство и мирян, составлявших соборную полноту (Поспеловский Д. Лекции по истории Русской православной церкви, читанные в мае 1990 г. в Ленинградской духовной академии. Машинопись. С. 68–69).

⁵⁸ Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 4–5.

⁵⁹ Анафема – отлучение в древней христианской Церкви отвергающих или извращающих коренные истины веры, исключение из общества верующих, удаление от общения с верующими (Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. Репринт. изд. С. 155).

⁶⁰ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 4–5.

⁶¹ См.: Там же. С. 39–40.

⁶² См.: Там же. С. 43.

⁶³ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 3–4. С. 156.

⁶⁴ Деяния... Кн. VI, вып. 1. С. 56.

⁶⁵ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 87.